

В комнате горела лампа, Лян Хуань, не снимая одежды, лежал неподвижно на кровати. Чэнь Шучжи, увидев, что чай выпит лишь наполовину, а лампа все еще горит, понял, что это притворство.

Притворяется, что спит? Надеется, что я что-то сделаю, пока он «спит»?

Чэнь Шучжи не собирался поддаваться на его уловки. Подойдя к кровати, он спокойно опустился на колени.

Лян Хуань пролежал некоторое время, но, видя, что ничего не происходит, вынужден был притвориться, будто только что проснулся. Он лениво посмотрел на Чэнь Шучжи и сказал:

— Ты пришел. В такую позднюю ночь, чтобы со мной поспать?

Чэнь Шучжи знал, что визит в полночь приведет к такому исходу, поэтому лишь опустил взгляд и произнес:

— Позвольте мне сначала обсудить важное дело, а потом я останусь с Вами.

Лян Хуань резко сел на кровати, взял его лицо в руки, слегка пощипал за нос и сказал соблазнительным тоном:

— Но я уже не могу терпеть, не могу ждать.

Чэнь Шучжи опустил голову еще ниже, не отвечая. Что он мог сказать? Пусть будет, как он хочет.

Увидев такую реакцию, Лян Хуань мягко улыбнулся, погладил его по лицу и сказал:

— Говори, какое важное дело? Вставай и расскажи.

Чэнь Шучжи встал, собираясь заговорить, но прежде чем он успел открыть рот, Лян Хуань потянул его на кровать, обнял за плечи и в таком положении выслушал рассказ о людях, найденных в реке.

— В лагере нет никого, кто мог бы разобраться с этим делом. Я хотел бы, чтобы Ваше Величество помиловали их.

Лян Хуань нахмурился:

— Я не совсем понимаю. Разве это преступление? Министерство наказаний вряд ли будет их преследовать. Ведь падение города не их вина.

Чэнь Шучжи хотел сказать: «Я тоже так думаю», но, не изучив законы, не решился говорить подобное перед Лян Хуанем. В итоге он лишь произнес:

— Я тоже не совсем понимаю.

— Ты такой добрый, — Лян Хуань бросил на него взгляд. — Ты помогаешь всем подряд, даже тем, кого нашли в воде, и ради них пришел ко мне в полночь?

Чэнь Шучжи опустил голову, и Лян Хуань, увидев это, понял, что он собирается сказать что-то «неуважительное». Сам почувствовал себя виноватым.

— Если я побеспокоил Ваше Величество, я признаю свою вину, но не считаю, что визит к Вам в полночь — это что-то из ряда вон выходящее.

Лян Хуань на мгновение замер, затем повернулся к нему лицом, внезапно обхватил его шею руками и, глядя на его лицо, наполовину скрытое опущенной головой, произнес хриплым голосом:

— Я всю дорогу не прикасался к тебе, а теперь очень хочу. Ты так меня дразнишь, потом не плачь.

Чэнь Шучжи с улыбкой подумал, что раньше он дразнил его куда сильнее, и тот не поддавался. А сейчас что такого?

Он медленно поднял голову, встретился взглядом с собеседником и серьезно сказал:

— Один из этих двух людей связан со мной прошлым. Я боюсь, что он умрет от страха перед наказанием, не дожив до столицы. Подумал, что раз это не серьезное преступление, то можно попросить у Вашего Величества милости.

Лян Хуань приподнял бровь:

— Связан с тобой прошлым? Каким?

— Уездный начальник Хуайюаня.

— А... Понимаю. А другой кто?

— Начальник округа Пинлян.

Лян Хуань убрал руки с Чэнь Шучжи и задумался:

— Эти двое полезны, они видели, как армия Чадо захватывала город. Они не только не должны умереть, но и должны идти с нами. Скажи им, что, независимо от их вины, я позволю им искупить ее, отправившись с нами в Цинъян.

— Я понял, благодарю Ваше Величество.

Чэнь Шучжи встал и поклонился.

Он уже собирался уйти, но вдруг его рукав дернули. Он обернулся и увидел, что Лян Хуань смотрит на него с мольбой в глазах.

Что, правда хочет спать?

Он остановился, а Лян Хуань встал с кровати, медленно подошел к нему, обнял его за руку.

— Синли, я так по тебе скучал...

— М-м.

— Что это «м-м»? Ты по мне не скучал?

Услышав это, Чэнь Шучжи осознал, что в последние дни, хотя они и не виделись, он почему-то каждый день думал о нем. Не было никакой особой причины, просто в моменты безделья этот

человек вдруг всплывал в его мыслях.

Но сейчас он совсем не хотел говорить об этом, боясь, что тот слишком обрадуется и сделает что-нибудь неожиданное.

Чэнь Шучжи долго стоял неподвижно, и Лян Хуань, решив, что он не хочет, но боится сказать, смущенно улыбнулся и произнес:

— Скорее возвращайся, не заставляй их ждать, а то еще решат покончить с собой.

*

На следующий вечер Чэнь Шучжи поинтересовался состоянием двух людей, найденных в воде. Убедившись, что с ними все в порядке, он заглянул в палатку Лян Хуаня, но, увидев очередь из желающих доложить о делах, решил не беспокоить.

На третий день после полудня, под мрачными тучами, группа прибыла в округ Цинъян.

В памяти Чэнь Шучжи Цинъян был крупным и процветающим городом в Юнчжоу. Однако, как только карета въехала в город, он был поражен увиденным.

Все дома были заперты, магазины закрыты, на улицах валялся мусор, и ни души вокруг.

Продвигаясь дальше, они проехали мимо просторной площади, где собралась толпа людей в белых одеждах. На площади установили алтарь с табличкой с именем покойного, висели погребальные знамена. Некоторые громко рыдали, другие разбрасывали бумажные деньги. В сочетании с мрачной погодой зрелище было удручающим.

Зачем устраивать похороны не на кладбище и не в домашнем алтаре, а прямо в городе?

Администрация округа Цинъян находилась рядом с площадью, и именно там группа остановилась. Внутри начальник округа Ян Нань с сопровождающими преклонил колени в знак приветствия.

После завершения церемонии Ян Нань вместо разрешения встать услышал гневный голос Лян Хуаня:

— Ты Ян Нань? Не объяснишь, что происходит у твоего здания?

Ян Нань тут же покрылся холодным потом и, дрожа, объяснил:

— Два заместителя поссорились из-за распределения лагерей, и один из них приказал своим солдатам устроить поминальную церемонию в честь генерала Е у входа в администрацию...

Поминальная церемония в честь генерала Е была способом напомнить противнику, что он был человеком, которого ценил генерал, и его дух все еще жив, так как он смеет ставить себя выше него?

Лян Хуань усмехнулся:

— Эти бандиты, какие же они наглые.

Он не позволил всем войти и устроиться, а вместо этого вывел всех из здания. Конечно, это не он их повел, а просто вышел сам, и все последовали за ним.

Лян Хуань не обращал внимания на тех, кто шел сзади, и направился прямо к группе в белых одеждах. Они остановились и с любопытством смотрели на него.

Все думали, что это человек, присланный другим заместителем, чтобы устроить скандал.

Однако Лян Хуань просто медленно подошел к алтарю, взял три благовония, трижды поклонился перед табличкой с именем Е Тиншу и вернулся к входу в администрацию. Не заходя внутрь, он спросил Ян Наня:

— После смерти генерала Е кто стал управлять его людьми?

Ян Нань ответил:

— До сих пор не смогли договориться.

Лян Хуань кивнул:

— Тогда позови всех, кто имеет вес.

— Слушаюсь.

Пока Ян Нань выполнял поручение, Лян Хуань стоял у входа. Пока он стоял, никто не смел вернуться внутрь. Люди в белых одеждах тихо подходили, чтобы узнать, кто это, и, узнав, тут же исчезали, оставляя после себя кучу белого мусора.

Вскоре люди Ян Наня привели нескольких генералов, которые встали на колени перед Лян Хуанем.

Лян Хуань оглядел их и, указав подбородком на кучу белого мусора, спросил:

— Чьи люди здесь устроили поминальную церемонию?

Через некоторое время кто-то осторожно ответил:

— Это... я плохо управляю своими подчиненными...

— Хорошо, — повысил голос Лян Хуань. — Они напомнили вам, что дух генерала Е все еще жив, враг не побежден, и сейчас не время для внутренних раздоров.

— Я знаю, что вы не ладите, каждый хочет, чтобы армия Е носила его имя. Я могу простить это, но я собрал вас здесь, чтобы сказать: армия Дапин не может принадлежать никому, кроме государства. Независимо от того, служили ли вы под началом генерала Е или пришли с юга, больше не нужно спорить. Отныне вы все равны, каждый командует своими войсками.

— С сегодняшнего дня я — главнокомандующий восьмидесятитысячной армии.

Внезапно поднялся ветер с песком, разметавший белые листья по площади.

Следовавшие за ним старые сановники были удивлены. В их памяти Лян Хуань никогда не занимался подобными делами, но, оказывается, в его голове было столько стратегий. Но...

Разве это не выглядит странно, что ты заставляешь столько людей, столько повозок стоять у входа в администрацию и слушать твою речь? Нельзя ли сначала разгрузиться и переодеться, а потом поговорить об этом? Так уж спешно?

Лян Хуань действительно был в спешке. Увидев, что происходит в Цинъяне, он готов был кого-нибудь ударить. Но кого? Гнев не находил выхода, и он решил выругаться на этих генералов.

Закончив, он оглядел стоящих сзади людей и понял, что ситуация действительно не самая подходящая.

Лян Хуань кашлянул, взял Ян Наня за руку и повел внутрь, чтобы все могли разобрать свои вещи.

[Авторский комментарий отсутствует]

<http://bllate.org/book/16213/1456048>